Елена Дубровко
(Гомель)

Проблема признания Рижской границы во внешней политике Великобритании осенью 1920 — весной 1922 г.

Заключение мирного договора в Риге между Польшей, с одной стороны, и Советской Россией и Украиной, с другой, не стало для польских политиков событием, обезопасившим восточные границы Польши. Даже в начале 1923 года польский министр иностранных дел Александр Скшиньский признавал, что 75% польской границы были под угрозой, 20% — в неопределённой ситуации и лишь 5% — в ситуации безопасной[1]. Для ликвидации этой ситуации важным шагом должно было стать достижение международного признания и гарантий результатов рижских переговоров. Реализация этой задачи зависела в первую очередь от позиций, занятых великими державами — Великобританией и Францией, от того, насколько она вписывалась в их собственные внешнеполитические интересы.

В связи с этим, важной задачей исследования представляется установление взаимосвязи между борьбой Польши за международное признание рижской границы и европейской политикой Великобритании в период с осени 1920 г., то есть от первых попыток Польши поставить перед британским правительством вопрос о международном признании рижской границы, до окончания Генуэзской конференции весной 1922 г., когда впервые появилась возможность поставить этот вопрос на международной арене.

Разумеется, эта проблема не является абсолютно новой для исторической науки. Так или иначе она затрагивалась в исторических исследованиях. Историки отмечали попытки налаживания сотрудничества Англии и Польши на базе стремления к налаживанию отношений с Советской Россией в период подготовки конференции в Генуе[2]. Значительное внимание уделено было истории Генуэзской конференции, в ходе

[1] A. Skrzyński, *Polska a pokój*, Warszawa 1923, ss. 120.

[2] К. Я. Почс, *«Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921-1929)*, Рига 1985, с. 44; A. Ajnenkiel, *Od rządów ludowych do przewrotu majowego. Zarys dziejów politycznych Polski, 1918-1926*, Warszawa 1976, s. 311; W. Materski, *Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918-1939*, Warszawa 1994, s. 104-105; *Historia dyplomacji polskiej*, t. 4: *1918-1939*, red. P. Łossowski, Warszawa 1995, s. 195.

которой, по утверждению польских историков, восходящему, видимо, к оценке Юзефа Пилсудского, британский премьер Дэвид Ллойд Джордж попытался за счёт уступок польских территорий оторвать Россию от Германии[3]. Польская историография также признаёт отход Великобритании от активной политики в восточноевропейском регионе после Генуи[4].

В целом, в историографии признаётся, что Великобритания, как одна из великих держав, несомненно, оказывала значительное влияние на ситуацию в центральном и восточноевропейском регионе. Однако характер её политики в отношении Восточной Европы остаётся не до конца изучен. Более тщательное исследование в этом направлении не только будет попыткой выяснения исторической правды, но и шагом на пути к объективному освещению связи событий польской и общеевропейской истории начала XX века.

После подписания польско-советского прелиминарного мирного договора в Великобритании утвердилась точка зрения, что оговоренная в нём граница была гораздо восточнее разумных пределов[5]. В значительной степени она была обусловлена британской позицией по самому факту рижских переговоров. Дело в том, что осенью 1920 г. Великобритания поддерживала скорейшее окончание войны в восточноевропейском регионе. В этом состояла суть советов, переданных британским ведомством иностранных дел польским представителям в Лондоне[6]. Военные столкновения на польско-советской границе оценивались британским правительством негативно, а ситуация на польско-советском пограничье в целом воспринималась как крайне нестабильная вплоть до конца 1920 и даже в начале 1921 г.[7] Вместе с тем британское правительство проявляло явную заинтересованность в недопущении срыва рижских переговоров. Как сообщал британский полномочный представитель в Варша-

[3] J. Piłsudski, *Pisma — mowy — rozkazy*, t. 6, Warszawa 1931, s. 65; W. Pobóg-Malinowski, *Najnowsza historia polityczna Polski*, t. 2: *1914-1939*, Londyn 1985, s. 587; A. Ajnenkiel, *Od rządów ludowych...*, s. 312; M. Nowak-Kiełbikowa, *Polska — Wielka Brytania w latach 1918-1923. Kształtowanie się stosunków politycznych*, Warszawa 1975, s. 379; M. Nowak-Kiełbikowa, *Konstanty Skirmunt: polityk i dyplomata*, Warszawa 1998, s. 176-179.

[4] M. Nowak-Kiełbikowa, *Polska — Wielka Brytania...*, s. 383, 386; *Historia dyplomacji polskiej*, t. 4: *1918-1939*, s. 202.

[5] H. J. Elcock, *Britain and the russo-polish frontier, 1919-1921*, „The Historical Journal", 1969, vol. 12, no. 1, p. 153.

[6] M. Nowak-Kiełbikowa, *Polska — Wielka Brytania...*, s. 261.

[7] J. Reginia-Zacharski, *Sprawa ukraińska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1917-1923*, Toruń 2004, s. 308; *His Majesty's speech*, HL Deb 23 December 1920 [Electronic resource]. — Mode of access: http://hansard.millbanksystems.com — Date of access: 20.09.2009.

ве Вильям Макс Мюллер своему итальянскому коллеге, первоочередным для Великобритании было «само заключение мира»[8].

Исходя из этого, линия рижской границы должна была быть проведена так, чтоб не стать поводом для срыва польско-советских переговоров в конце 1920 — начале 1921 г. а также не вызвать дестабилизации в регионе в будущем.

Польский министр иностранных дел отстаивал территориальные претензии своей страны пред британским полномочным представителем именно исходя из понимания этой британской позиции. Поэтому приводимые им обоснования дают возможность судить, каких потенциальных проблем, вызванных принятием польского проекта границы, опасались в Великобритании. Первая проблема базировалась на заявленном великими державами этнографическом принципе установления границ и состояла в опасениях негативной реакции местного населения спорных территорий, которая могла проявиться в форме волнений и выступлений. Подобные опасения начисто отметались поляками. Польский министр иностранных дел указывал, что территория между линией польских претензий и так называемой «линией Керзона» слабо заселена и этнически не является ни чисто польской, ни чисто русской[9]. Он также уверял, что принятие польского проекта не повлечёт выступлений местного населения, крайне малочисленного в северной части приграничного региона[10]. Эти заявления в основном соответствовали представлениям британских политиков об этнической и государственно-политической ситуации в регионе, которые базировались на инструкциях, подготовленных британскими экспертами накануне мирной конференции в Париже[11]. Факт создания здесь государственности в форме БССР ничего не менял, так как она рассматривалась как чистый «фарс»[12].

Несравненно большее внимание уделял польский министр иностранных дел второй проблеме — реакции РСФСР на польские условия. Он подчёркивал, что советское правительство само готово отдать Польше территории восточнее Белостока и Хелма, и принятие польского варианта не вызовет сопротивления России[13]. Кроме того, глава польского министерства иностранных дел сообщил, что и представители так назы-

[8] J. Reginia-Zacharski, *Sprawa ukraińska...*, s. 310-311.

[9] *Documents on British foreign policy. First series*, ed. by R. Butler [and others], London 1961, vol. 11, p. 535.

[10] *Documents on British...*, vol. 11, p. 588-590.

[11] Е. Н. Дубровко, *«Белая Русь» по данным британского сборника «Peace handbooks»*, [в:] *Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX-XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы*, ч. 1, Гомель 2009, с. 92-96.

[12] *Documents on British...*, vol. 11, p. 588-590.

[13] *Documents on British...*, vol. 11, p. 535, 588-590.

ваемой «белой России», в частности, Борис Савинков, генерал Пётр Махров (представитель Петра Врангеля) и Горчаков, представлявший Российский политический комитет в Париже, подтверждали в своих беседах, что такие границы не будут причиной вражды между Польшей и Россией в будущем[14].

Очевидно, что для Великобритании при выработке её позиции по вопросу определения польско-советской границы в период переговоров в Риге решающее значение имела позиция советского правительства. От принятия или непринятия им польских условий, а значит, успеха или срыва мирных переговоров зависел успех политики британского правительства, направленной на установление экономических отношений с Россией. В начале осени 1920 г. заинтересованность в этом в Великобритании сохранялась, как отмечают английские историки[15]. Само британское правительство также сообщало в прессе о сохранении заинтересованности в экономическом соглашении с Советской Россией[16]. Подтверждает это и тот факт, что советская торговая делегация по-прежнему оставалась в Лондоне, хотя английское правительство приостановило переговоры с Советской Россией, а также и факт возобновления в конце октября, то есть, вскоре после заключения перемирия, англо-советских переговоров о торговом договоре[17].

Доминирующий британский интерес был очевиден и для Польши. Учитывая его, она уже в конце осени 1920 г. пыталась добиться от Великобритании гарантий рижской границы, указывая на те выгоды, которые может принести союзникам активизация торгово-экономических отношений между Польшей и Россией. В частности, польский министр иностранных дел указывал на возможность предоставления Польшей преференций для предприятий союзников, а также на возможность достижения договорённости об ограничении транзита из России в Германию и Австрию, что могло бы дать фору Великобритании в налаживании торговли с Россией[18]. Данные предложения, однако, не вызвали одобрения в британском ведомстве иностранных дел. Оно указало Польше, что такое предложение формально противоречит 14 и 17 статьям Версальского договора от 28 июня 1919 г., которые обеспечивали всем подписавшим его одинаковые условия при налаживании транзита че-

[14] *Documents on British...*, vol. 11, p. 618-619.

[15] D. C. Somervell, *The Rein of King George the Fifth. An English chronicle*, London 1936, p. 251.

[16] W. P. Coats, Z. K. Coats, *The Rein of King George the Fifth. An English chronicle*, London 1944, p. 46.

[17] И. М. Лемин, *Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919-1925*, Москва 1947, с. 250.

[18] *Documents on British...*, vol. 11, p. 626-629, 658-660.

рез Польшу людей и товаров[19].

Подписание Рижского мира давало возможность британскому правительству заключить торговое соглашение с советским правительством, не опасаясь негативной реакции со стороны Франции и оппозиции внутри страны, а также упрёков в поддержке большевистского правительства в его борьбе с Польшей. Поэтому в условиях согласия советского правительства на рижскую границу отстаивание иного варианта становилось для Великобритании вопросом далеко не первостепенным. Но и гарантировать восточную границу Польши, очерченную в Риге, британское правительство не спешило[20].

Даже после заключения мира рижская граница считалась в Великобритании небезопасной для Польши[21]. Поэтому в ответ на просьбу польского министра иностранных дел в феврале 1921 г. о гарантии рижской границы британское ведомство иностранных дел заявило и о готовности её принять, но не гарантировать. Вместе с тем глава британского ведомства иностранных дел предложил Польше зарегистрировать рижский договор в соответствие с уставом Лиги наций, что давало возможность получить обязательство со стороны этой организации защищать целостность Польши, как государства-члена Лиги[22]. Делая такое предложение, британское ведомство иностранных дел явно показывало свою заинтересованность в международном признании рижской границы в будущем.

Таким образом, с удовлетворением принимая факт заключения Рижского мира, британское правительство не считало его прочным. Рижская граница не рассматривалась в качестве надёжной и долговременной. Британское правительство также отказалось от немедленного принятия на себя сепаратного обязательства по её признанию и гарантии.

На протяжении 1921 г. британское ведомство иностранных дел придерживалось в этом вопросе политики «wait and see» (ожидать и наблюдать), указывая на отсутствие необходимости вмешательства и даже определения своей позиции[23]. Отмечалось, что без согласования с союзниками Великобритания не может высказывать своё мнение, равно как и повлиять на решение этих вопросов в одиночку[24].

Вместе с тем, в британском ведомстве иностранных дел утвердилось мнение о необходимости оставить Восточную Галицию в составе Поль-

[19] *Documents on British...*, vol. 11, p. 698-699.

[20] *Poland (Eastern frontiers)*, HC Deb 25 October 1920 [Electronic resource]. — Mode of access: http://hansard.millbanksystems.com — Date of access: 13.09.2009.

[21] J. Reginia-Zacharski, *Sprawa ukraińska...*, s. 311.

[22] *Documents on British...*, vol. 11, p. 719-722.

[23] *Documents on British foreign policy. First series*, ed. by W. W. Medlicott [and others], London 1981, vol. 23, p. 26, 85-87, 92-97, 280-281, 294-296.

[24] *Documents on British...*, vol. 23, p. 193-194, 207-208.

ши при условии представления ей автономии, о чём английский посланник уполномочен был «намекнуть» польскому правительству[25]. Обосновывался такой вариант идеей «баланса сил» и «благосостоянием региона»[26]. Преобладание этого мнения определялось рядом обстоятельств. Во-первых, вопрос о Восточной Галиции мог быть использован в переговорах с Францией о судьбе Верхней Силезии: можно было больше уступить Польше Восточной Галиции, чем Силезии[27]. Это должно было вызвать меньшие международные проблемы, так как в отличие от Германии Советская Россия, подписав Рижский договор, сама отказалась от спорной территории. Во-вторых, утвердилось мнение, что любые иные варианты, в том числе реализация национальных устремлений непольского населения региона, потребуют военных действий, не допустимых с точки зрения стремления Великобритании к урегулированию ситуации в Восточной Европе[28]. В-третьих, передача Польше Восточной Галиции увеличивала польско-румынскую границу, позволяя Польше иметь на юге выход к морю через Румынию[29]. Это было важно и с военной, и с экономической точек зрения. Однако согласие Великобритании на немедленную реализацию указанного выше варианта было невозможно, так как британский премьер Д. Ллойд Джордж был противником передачи Восточной Галиции Польше[30].

В целом, 1921 г. был лишь подготовкой к периоду активной борьбы Польши за международное признание её восточных границ. Активную политику в этом направлении польское министерство иностранных дел стало проводить с конца марта — начала апреля 1922 г., то есть после осуществления присоединения Виленщины к Польше. В этот период шла активная подготовка к международной конференции в Генуе, в которой должна была принять участие Советская Россия. Это создавало предпосылки для обращения к вопросу о признании польско-советской границы.

Нельзя не огласиться, что накануне Генуэзской конференции наблюдалось сближение интересов Великобритании и Польши[31]. Об этом свидетельствует, в частности, положительная оценка со стороны британского правительства итогов Рижского совещания, прошедшего в конце марта 1922 г. между представителями России, Эстонии, Латвии

[25] *Documents on British...*, vol. 23, p. 127-129, 138, 268-271, 280-281.
[26] *Documents on British...*, vol. 23, p. 268-271.
[27] *Documents on British...*, vol. 23, p. 92-97.
[28] *Documents on British...*, vol. 23, p. 268-271.
[29] *Documents on British...*, vol. 11, p. 651-652.
[30] *Documents on British...*, vol. 23, p. 92-97.
[31] К. Я. Почс, *«Санитарный кордон»...*, с. 44; A. Ajnenkiel, *Od rządów ludowych...*, s. 311; W. Materski, *Tarcza Europy...*, s. 104-105; *Historia dyplomacji polskiej...*, s. 195.

и Польши и высказавшегося за признание Советской России и подтверждение её договоров с Польшей и Прибалтикой[32]. В то же время глава британского ведомства иностранных дел, сообщая итальянскому послу позицию своего правительства в конце марта 1922 г., указывал, что принятие договоров между Польшей и Прибалтийскими странами, с одной стороны, и Россией с другой, может поспособствовать восстановлению Европы[33].

Со стороны Польши в этот период была сделана попытка активизировать польско-английское сближение в ходе визита польского министра иностранных дел Константина Скирмунта в Лондон в начале апреля 1922 г. Однако его результаты оказались неоднозначны. Британский премьер проявил максимальную сдержанность, хотя при этом признал, что дебаты по вопросу границ Польши могут касаться лишь их международного признания[34].

Наиболее полную в Великобритании разработку вопрос о восточных границах Польши накануне Генуэзской конференции получил в меморандуме по проблеме договоров с Россией, подготовленном в британском ведомстве иностранных дел. В нём указывалось, что во внешнеполитические интересы Великобритании вполне вписывалось признание Рижского мирного договора 1921 г. Оно позволяло реализовать право союзников на определение восточных границ Польши, сделать шаг к определению международного статуса Восточной Галиции, так как предполагало передачу её Польше, против которой никто возражать не стал бы[35]. Как видно, уже в середине весны 1922 г. Великобритания в случае поднятия вопроса о восточных границах Польши была готова на его решение посредством, в сущности, признания польских fait accompli[36].

В этих обстоятельствах польский посол передал 14 апреля 1922 г. телеграмму главе британского ведомства иностранных дел с просьбой о признании Рижского договора[37]. Ответ прозвучал, однако, достаточно холодно. Просьба Польши была принята во внимание, но было замечено, что «польские границы ещё не установлены и будут указаны великими державами»[38].

[32] A. Skrzypek, *Związek Bałtycki. Litwa, Łotwa, Estonia i Finlandia w polityce Polski i ZSSR w latach 1919-1925*, Warszawa 1972, s. 160-162.
[33] *Documents on British...*, vol. 23, p. 450-451.
[34] M. Nowak-Kiełbikowa, *Konstanty Skirmunt...*, s. 168-169.
[35] *Documents on British foreign policy. First series*, ed. by W.W. Medlicott [and others], London 1974, vol. 19, p. 288-296.
[36] fait accompli — фр.: совершившийся факт.
[37] *Documents on British...*, vol. 19, p. 566.
[38] M. Nowak-Kiełbikowa, *Konstanty Skirmunt...*, s. 177.

На конференции в Генуе вопрос о восточных границах Польши встал в связи с обсуждением проекта «Пакта о неагрессии», предполагавшего защиту территориальной целостности подписавших его держав. Перед его принятием представители Малой Антанты потребовали первоначального решения союзниками вопроса об определении восточных границ Польши. Британский премьер заявил о своей готовности признать рижскую границу, так как Россия приняла её и необходимости «ссориться» с ней не было. По вопросу о статусе Восточной Галиции он указал на отсутствие иных альтернатив, кроме передачи её Польше при условии сохранения автономии, что должно было положить конец национальным конфликтам в регионе[39]. Однако уже 5 мая в беседе с польским министром иностранных дел британский премьер указывал, что признание за Польшей в той или иной форме Восточной Галиции создаст источник проблем в будущем. Советская Россия может воспользоваться этим вопросом в качестве предлога для вторжения в Польшу[40]. Вместе с тем, он не высказался против признания данных территорий за Польшей, что придало этой беседе двусмысленность, отмеченную даже британскими чиновниками[41]. Однозначно можно говорить лишь о том, что и рассмотрение, и решение этих вопросов британский премьер ставил в зависимость от дальнейшего хода конференции и переговоров с Советской Россией. Именно поэтому 10 мая он предложил рассмотреть вопрос о Восточной Галиции в ходе конференции, а уже 16 мая отказался от своего предложения, так как необходимость его рассмотрения отпала в связи с непринятием Россией меморандума союзников от 2 мая и откладыванием рассмотрения договора с Россией[42].

Таким образом, возможность решения в Генуе вопроса о территориальном оформлении Польши оказалась не реализована в связи со срывом конференции. Несомненно, признание границ Польши в этот период вписывалось в общее русло европейской политики Великобритании, направленной на стабилизацию в регионе путём заключения общего соглашения с Россией и включения российского рынка в мировую систему экономических отношений. Это предопределяло большую благосклонность Великобритании к Польше, отмеченную польскими делегатами на конференции[43]. Однако решение вопроса о восточных границах Польши стояло, очевидно, в арьергарде британской европейской политики, тон которой определялся отношениями с Советской Рос-

[39] *Documents on British...*, vol. 19, p. 565-571.
[40] *Documents on British...*, vol. 19, p. 741-747.
[41] *Documents on British...*, vol. 23, p. 490-491.
[42] *Documents on British...*, vol. 19, p. 798-803, 938.
[43] K.W. Kumaniecki, *Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty: 1912 — styczeń 1924*, Warszawa — Kraków 1924, s. 615.

сией, Францией и Германией. Д. Ллойд Джордж исходил из ненадёжности обязательств, данных русскими при подписании Рижского договора[44]. Поэтому признавать и гарантировать восточные границы Польши сепаратно, при отсутствии общего соглашения с Россией, для Великобритании было небезопасно, а значит, неприемлемо. Кроме того, такой шаг лишил бы Великобританию возможности сближения со странами Малой Антанты, наметившегося на основе их общего стремления к нормализации отношений с Россией, так как данные страны были против признания и гарантии рижской границы[45]. Их поддержка могла быть использована Великобританией для давления на Францию с целью достижения компромисса по русскому и германскому вопросам, что было гораздо важнее, чем немедленное признание польских границ.

Jelena Dubrowko — asystent na Wydziale Historii Państwowego Uniwersytetu im. Franciszka Skoryny w Homlu.

[44] *Documents on British...*, vol. 19, p. 746.
[45] *Documents on British...*, vol. 19, p. 565-571.